

На следующий день Гу Юаньлинь проснулся, когда солнце уже высоко поднялось над горизонтом. Похоже, он не спал так крепко уже очень давно: раньше ему приходилось каждое утро спешить на подработку, и в сутках едва ли набиралось шесть часов сна.

Мин Цзэ, бодрствовавший с предрассветных часов, неотступно дежурил рядом. Увидев, что господин проснулся, он тут же принес теплой воды для умывания.

— Молодой господин, Госпожа Гу велела передать, что вы можете отдохнуть еще несколько дней, так что по утрам можно не вставать на тренировки.

Только теперь Гу Янь вспомнил: хотя Гу Юаньлиню было предсказано великое бедствие в двадцать лет, сам он относился к этому безразлично. Родители не позволяли ему покидать пределы секты, поэтому он усердно постигал боевые искусства, поднимаясь на рассвете и тренируясь без перерыва в любое время года.

Он от природы обладал выдающимся талантом, а после пяти лет обучения у своего наставника достиг столь глубоких уровней культивации, что в Секте Сяояо ему не было равных, да и во всем Цзяньху Центрального Китая он считался мастером высшего ранга.

— Столь одаренного юношу теперь заменил я, — пробормотал Гу Янь, и в сердце внезапно кольнуло чувство вины.

— Молодой господин, вы с кем-то разговариваете?

— О, ничего, — Гу Янь отогнал лишние мысли и повернулся к Мин Цзэ, который наводил порядок в комнате. — Мин Цзэ, я хотел спросить... каким человеком был мой наставник?

— А? Молодой господин, вы точно не повредили голову при падении? Как можно забыть собственного учителя? Неужели вы отбили себе память?

— ...

— Кхе-кхе, — Гу Юаньлинь демонстративно кашлянул. — Видишь ли, Мин Цзэ, я просто сильно ударился головой, и некоторые вещи стали туманными. Но если ты мне немного напомнишь, я наверняка все вспомню. И еще — ни слова отцу и матери, особенно матери!

— А почему, молодой господин?

— Ты что, глупый? Если они узнают, что я упал, нам обоим достанется от матушки. К тому же они будут волноваться. Подумай сам, матушка всегда хорошо к тебе относилась, неужели у тебя хватит сердца видеть ее в такой тревоге?

— Да-да, конечно, не волнуйтесь, молодой господин, я ни за что не расскажу главе секты и Госпоже Гу.

— Фух... — убедившись, что провел этого простака, Гу Юаньлинь облегченно вздохнул и сел за стол. — Тогда рассказывай скорее все, что знаешь о моем наставнике.

Мин Цзэ подошел ближе и неторопливо начал:

— Я слышал от главы секты и госпожи, что, когда вы родились, у госпожи были тяжелые роды. Один мудрец-отшельник спас вас обоих и предсказал, что вы... — он запнулся, но продолжил: — Позже, когда вам исполнилось десять лет, этот человек случайно заглянул в нашу секту. Увидев, что у вас невероятные способности и кость, подходящая для культивации, он решил взять вас в ученики.

Глава секты и Госпожа Гу, конечно, согласились. Он обучал вас пять лет, а потом исчез, не оставив никаких следов, словно растворился в воздухе.

Гу Юаньлинь слушал, пытаясь собрать осколки воспоминаний воедино.

— Точно! Я слышал, как тот мудрец называл свое имя главе секты. Его зовут...

— Су Чжичжоу! — наконец, ухватившись за подсказку, воскликнул Гу Юаньлинь.

Десять лет назад, когда ему было десять, он тренировался во дворе и увидел белоголового мужчину в серебряной маске, за которым по пятам следовал духовный зверь. Незнакомец был в белых одеждах, худощавый, и хотя лицо скрывала маска, его пронзительный, холодный взгляд врезался в память навсегда. Длинные черные волосы ниспадали на плечи, придавая ему облик небожителя, полного ледяного достоинства.

Гу Юаньлинь не понимал, что происходит, лишь видел, как тот постоянно переговаривался с духовным зверем. Однажды он хотел подразнить зверя, но чуть не лишился руки — если бы не вмешательство Су Чжичжоу, быть бы беде.

— Молодой господин, глава секты и Госпожа Гу просят вас пройти в кабинет, — донесся голос Жуй Чжу, служанки Хуа Сянжун.

— Понял, сейчас приду. — Гу Юаньлинь отвлекся от мыслей и собрался идти, надеясь попутно разузнать что-нибудь о местонахождении учителя.

— Отец, матушка, вы звали? — спросил Гу Юаньлинь, входя в кабинет.

— Проходи, Юаньлинь, садись. От твоего учителя, господина Су, пришло письмо, — сказал Гу

Жуй и протянул ему послание.

— Что? Письмо от учителя! — Это было именно то, о чем он думал. Обрадовавшись, Гу Юаньлинь поспешно распечатал конверт.

«Главе секты Гу: если Юаньлинь здоров, пусть придет на вершину горы Чжуннань для встречи со мной».

— И это всё? — Гу Юаньлинь в недоумении перевернул листок, но больше там ничего не было.

Похоже, некоторые вещи придется выяснить лично. Он решил как можно скорее отправиться на гору Чжуннань.

— Господин Су — великий отшельник, странствующий по миру. Наверняка он обеспокоен твоим грядущим бедствием и потому прислал весточку, — Гу Жуй заговорил первым. — Юаньлинь, раз ты в порядке, тебе следует поблагодарить наставника и успокоить его, наш долг перед ним велик, как гора.

— Не волнуйся, отец, я как раз собирался предложить это. Завтра же отправляюсь в путь.

На следующий день у ворот Секты Сяояо стояли две роскошные кареты. Одна была доверху нагружена провизией, одеждой и вещами для путешествия, вторая предназначалась для Гу Юаньлиня и Мин Цзэ. Впереди на лошадях сидели возницы, а рядом ожидал крепкий мужчина-проводник.

— Матушка, я еду по важному делу, а не в отпуск. Зачем столько вещей? — Гу Юаньлинь приложил руку ко лбу, чувствуя беспомощность.

— Глупый мальчишка! Гора Чжуннань далеко, это тебе не Город Цинчжоу. Если я не соберу тебе еды и теплой одежды, ты собираешься питаться холодным горным ветром в глуши? — Хуа Сянжун легонько щелкнула его по лбу.

— Ой, больно! Хорошо-хорошо, вы правы. А кто этот крепкий мужчина впереди?

— Это проводник. Ты никогда не уезжал далеко, знаешь ли ты дорогу? Или хочешь, чтобы учитель ждал тебя месяцами? — Хуа Сянжун бросила на него выразительный взгляд.

Спорить было не о чем: дорогу он действительно не знал. Однако в душе закралось сомнение: «Столько людей... не боятся ли они, что я сбегу?»

Увидев, как сын притих, Гу Жуй втайне усмехнулся. Но стоило Гу Юаньлиню взглянуть на него, как он тут же принял серьезный вид.

— Ладно, матушка, Юаньлинь должен отправляться. Все, что нужно, уже сказали, не задерживай его.

Гу Жуй отвел сына в сторону и прошептал:

— Твоя мать просто не может с тобой расстаться. Двадцать лет ты не отходил от нее ни на шаг. Она отправила столько людей, во-первых, чтобы присматривали за тобой, а во-вторых — боялась, что ты не захочешь возвращаться домой. Не сердись на нее, у нее жесткие слова, но мягкое сердце. Она беспокоится о тебе больше всех.

— Юаньлинь, возвращайся поскорее.

Когда Гу Юаньлинь залез в карету и услышал голос Хуа Сянжун, он отодвинул занавеску и серьезно ответил:

— Я обязательно вернусь.

— Но! — кареты быстро тронулись, оставив позади облако пыли.

Время пролетело незаметно, и спустя полмесяца отряд добрался до горы Чжуннань. Стояла ранняя весна, снег еще не сошел, и гора была окутана белым покрывалом. Гу Юаньлинь давно не видел такой красоты и пришел в восторг.

Однако радость длилась недолго: посмотрев на пики, уходящие в облака, он забеспокоился — а осилит ли он такой подъем?

— Мин Цзэ, путь опасен, ты оставайся у подножия, подожди меня здесь.

— А... как же так? Госпожа приказала мне не отходить от вас ни на шаг...

Гу Юаньлинь чуть не закатил глаза:

— Дорога здесь всего одна. Ты думаешь, у меня вырастут крылья, и я улечу?

Мин Цзэ задумался: «И то верно».

— Что ж, хорошо. Молодой господин, будьте осторожны.

Гу Юаньлинь в одиночку двинулся к вершине. Он боялся опозориться, если не сможет подняться, но явно недооценил силу тела, в котором оказался. Внутренняя энергия Гу Юаньлиня была настолько мощной, что он почти не чувствовал холода, а его искусство легких

шагов было непревзойденным. Движения его были легкими, как танцующие снежинки, и не прошло и часа, как он достиг вершины.

Эта поразительная энергия, несомненно, была наследием тайных техник Су Чжичжоу. А искусство легких шагов, известное как «Шаги Снежной Тени», было создано самим учителем: невероятно грациозное и стремительное, оно даже превосходило легендарное «Перемещение Формы и Смена Тени», считавшееся лучшим в мире боевых искусств.

На вершине лежал глубокий снег. Гу Юаньлинь огляделся и вдруг увидел приближающегося к нему зверя — того самого, что был с наставником! Зверь посмотрел на него с легким раздражением, но все же повел к Су Чжичжоу.

На этот раз Су Чжичжоу был без серебряной маски. Он сидел неподвижно, словно отражение солнечного света в снегах: холодный, отстраненный, как далекий звездный свет в осеннюю ночь. Любой, кто стоял рядом, чувствовал недостижимость этого человека.

— Наставник, — Гу Юаньлинь сложил ладони в приветствии.

— Ты пришел, — Су Чжичжоу погладил зверя по голове, словно успокаивая, и поднялся.

— Учитель, ученик пришел к вам с вопросом. Думаю, если кто-то в этом мире и может развеять мои сомнения, так это вы.

— Я знаю, зачем ты пришел. Ты — не Гу Юаньлинь.

— Что? — Гу Янь был потрясен и отступил на несколько шагов. — Наставник... Вы знали?

— Ох, — Су Чжичжоу вздохнул. — Двадцать лет назад я странствовал по Цинчжоу и увидел над вашей сектой пурпурное сияние — знак великого процветания. Но когда Госпожа Гу начала рожать, я понял, что у ребенка слишком тяжелая судьба, которую вряд ли примет Небесное Дао. Я спас их обоих, но не смог снять проклятие двадцатилетнего рубежа. У Юаньлиня был талант и редкая кость для культивации, но Небеса безжалостны — такой дар должен был угаснуть. Я подарил ему замок долголетия и обучил мастерству, надеясь, что он сможет бросить вызов судьбе.

Он повернулся к Гу Яню:

— А твое появление стало тем, чего я не предвидел. Возможно, это шанс изменить предначертанное.

Взгляд Гу Яня потемнел:

— Значит... если я покину это тело, настоящий Гу Юаньлинь вернется?

— Теоретически — да. Но не сейчас. Я еще не нашел верного способа.

— Тогда я...

— Ты по-прежнему Гу Юаньлинь. Пока я не найду решения, ты остаешься сыном главы секты и моим учеником. Юноша, раз ты здесь, значит, такова судьба. Начало и конец — лишь краткий миг. Жизнь подобна сну. Не терзай себя лишними мыслями, просто следуй зову своего сердца.

— Следуй зову сердца... — повторил Гу Янь. Спустя долгое время он поднял голову: — Благодарю, наставник. Теперь я... понимаю.

Но перед глазами никого не было — лишь бескрайние заснеженные горы. Все казалось пробуждением от сна, а на душе словно лежал тяжелый камень, который никак не удавалось сдвинуть.

«Поистине, великий мастер, чей след невозможно уловить», — с благоговением подумал Гу Янь.

Он поклонился в ту сторону, где только что стоял Су Чжичжоу, и начал спуск.

<http://bllate.org/book/21865/2269488>